

Кризис порядка и ядерное перевооружение

(начало на стр. 1)

Киссинджер интерпретирует в этом ключе позицию, занятую Мао Цзэдуном в 1957 году, когда, к изумлению Никиты Хрущёва, он заявил, что Китай готов пожертвовать сотнями миллионов жизней в ядерной войне. На Западе это было воспринято как признак эмоциональной неуравновешенности или идеологического фанатизма, но на самом деле *«китайским лидером руководил трезвый расчёт: чтобы противостоять военным возможностям за пределами предыдущего человеческого опыта, необходимо продемонстрировать готовность к самопожертвованию за пределами человеческого понимания»*.

Следует также добавить, что всего пять или десять лет до этого Мао на собственном опыте убедился в том, что Запад не испытывает никаких угрызений совести, нанеся Японии атомный удар и лишив Корею пятой части населения, пусть и с помощью “конвенциональных” средств, таких как напалм и голод. Так или иначе, в 1964 году Китай создал атомную бомбу, а в 1967-м – водородную. По мнению Раймона Арона (“Имперская республика”, 1973), разрыв между Москвой и Пекином был также связан с требованием Хрущёва увязать предоставление Китаю атомных технологий с интегрированным ядерным командованием, как это было в НАТО между США и западноевропейскими союзниками и в Варшавском договоре между СССР и Восточной Европой.

Шарль де Голль утверждал, что ядерное оружие *force de frappe* должно было защищать Францию и от США, которые претендовали на роль *«злоупотребляющего защитника»*; Париж испытал свою первую плутониевую бомбу в 1960 году, а водородную – в 1968-м. Безграничная бравада, с которой Мао сказал Хрущеву, что не боится ядерного холокоста, также была отказом признавать *«неправомерный протекторат»* империализма СССР над молодым китайским капитализмом. Атомные испытания 1964 и, особенно, 1967 годов закрепили независимость Пекина и, по сути, сопровождали русско-китайский кризис; аналогичным образом, *force de frappe* закрепила стратегическую автономию Франции, которая в 1966 году вышла из военного командования НАТО, сохранив при этом политическую приверженность Атлантическому альянсу. Не случайно с тех пор Франция и Китай разделяют одну и ту же доктрину *достаточной обороны*, или *ядерной достаточности*, – ограниченного сдерживающего потенциала, достаточного для сохранения способности нанести *второй удар*, чтобы удержать любого противника от угрозы *первого*.

В стратегическом контексте, определявшемся доминирующей доктриной *биполярности* США–СССР, для обеих стран – Франции и Китая – обладание сдерживающим фактором было подтверждением меры автономии от *двух сверхдержав*, что лишь доказывало: понятие *биполярности* было, по меньшей мере, недостаточным для отражения реальных отношений глобального баланса. Британский сдерживающий фактор имел двойственный характер. Лондон испытал свои ядерные заряды – на основе деления и синтеза – раньше Парижа, в 1952 и 1957 годах, но остался зависимым от Вашингтона в области ракетных технологий и частично подводных лодок, а также не отказался от интегрированного командования НАТО: для Соединённых Штатов поддержка британского сдерживающего фактора стала способом уравновесить автономию Франции.

Это приводит нас к третьему следствию атомной эры, начавшейся с Хиросимы и Нагасаки: в определённой степени *мировой порядок*, понимаемый как баланс сил между великими державами, нашёл свое отражение в *глобальном ядерном порядке*; с конца 1960-х годов его санкционирующим инструментом стал ДНЯО, Договор о нераспространении ядерного оружия.

Киссинджер также указывает на парадокс, присущий *биполярной* составляющей этого глобального порядка. Именно контекст *взаимного гарантированного уничтожения* привёл к тому, что *«наиболее грозное оружие, расходы на которое составляли львиную долю в оборонном бюджете сверхдержав»*, утратило своё значение в реальных кризисах, которые они сами детерминировали: *«Взаимное самоубийство превратилось в механизм поддержания международного порядка. Когда во время холодной войны Вашингтон и Москва регулярно бросали вызов друг другу, это была имитация войны. В разгар ядерной эпохи, как ни*

удивительно, ключевое значение имели обычные вооружённые силы. Военные столкновения того времени происходили на отдалённой периферии – Инчхон, дельта реки Меконг, Луанда, Ирак и Афганистан. Мерилом успеха являлась эффективность поддержки местных союзников. Короче говоря, стратегические арсеналы ведущих держав, несоизмеримые с мыслимыми политическими целями, создавали иллюзию всемогущества – иллюзию, которую опровергал ход событий».

Ещё одним парадоксом, по мнению Киссинджера, является то, что великие державы сосредоточили столько ресурсов на атомных средствах сдерживания, что открыли брешь для «асимметричной» тактики новых региональных держав. Суть её заключалась в затягивании войн до точки, когда под угрозой оказывалась уже внутренняя устойчивость великих держав, что усугублялось колебаниями общественного мнения вокруг поддержки этих зарубежных операций: «так было с войнами Франции в Алжире и Вьетнаме, с войнами США в Корее, Вьетнаме, Ираке и Афганистане и с войной Советского Союза против Афганистана».

В «Мировом порядке» также рассматриваются трудности *нераспространения* и реализации договора ДНЯО, но здесь бывший госсекретарь США упускает из виду один момент. Без внимания оставлен ещё один парадокс: именно в своих *прокси-войнах*, то есть войнах по доверенности в различных регионах, и именно в процессе управления утверждением новых региональных держав старые ядерные державы – прежде всего Соединённые Штаты – способствовали ядерному распространению или, по крайней мере, терпели его: так было в случаях Израиля, Пакистана, Индии и Северной Кореи, а также, если угодно, в ситуации *ядерной латентности* или *порогового состояния* Японии и, в меньшей степени, Германии. В материалах, которые мы собрали для предисловия к этой книге, мы определили это как *действительный ДНЯО*, то есть фактическое состояние *ядерного порядка*, отражающее до сих пор изменения в отношениях между державами.

Если старому *глобальному порядку* соответствовал и *ядерный порядок*, то возникает вопрос, что произойдёт с последним в условиях развёртывания *новой стратегической фазы* и *кризиса порядка*. В предисловии собраны некоторые из наших последних материалов, которые сводятся к четырём направлениям.

Первое – ядерное перевооружение Китая. Ожидается, что в течение десяти лет он будет располагать от 1000 до 1500 боеголовок, развёрнутых во всех звеньях *триады*, и, таким образом, достигнет количественного и качественного уровня, сопоставимого с нынешними сдерживающими факторами США и России. Это вводит новое уравнение силы, баланс между *тремя великими ядерными державами*, стратегические и концептуальные последствия которого ещё даже не были изучены. Известно, что новая американская ядерная доктрина, частично засекреченная, предусматривает увеличение числа развёрнутых боеголовок, возможно, до более чем 3000, именно в связи с беспрецедентным состоянием *трёхполярного* противостояния с двумя другими крупными ядерными державами.

Второе направление – это перевооружение Азии, связанное как с ростом мощи Китая, так и с уже очевидными сомнениями в надёжности американского *расширенного сдерживания*. Токио уже приступил к перевооружению в области конвенциональных ракет, которое, однако, происходит в серой зоне, которую некоторые называют *конвенционально-стратегической*, из-за того, что такие высокоточные вооружения могут быть использованы и против ядерного противника, в данном случае Северной Кореи и Китая. Это сочетается с *ядерным порогом*, достигнутым Японией, которая обладает всем процессом переработки отходов атомных электростанций в плутоний для военных целей. Быстрое развитие Японии отражается в развитии Южной Кореи. В Сеуле более откровенно, чем в Токио, обсуждается вариант ядерного перевооружения; промежуточной целью является приобретение статуса *порогового государства*, аналогичного японскому, и согласованная с Вашингтоном программа по строительству флота атомных подводных лодок. В зеркальном отражении дебатов Токио и Сеула, эта последняя возможность также обсуждается сейчас в Японии: хотя это и не влечёт за собой нарушение договора о нераспространении ядерного оружия, очевидно, что это представляет собой ещё один шаг к созданию сдерживающей силы, что повлияет на всю региональную стратегическую картину.

Третьим направлением является европейское перевооружение, в рамках которого ЕС, и особенно Германия, следуют примеру ускорения перевооружения в Японии. Особенностью

движения к *европейскому сдерживанию* является координация действий Парижа и Лондона, к которым Берлин и другие европейские столицы готовы присоединиться в отношении многих неядерных аспектов сдерживания и обороны в целом: ракет, спутников, систем разведки и связи, вплоть до простого финансового вклада.

Наконец, четвёртое направление – это ядерное распространение среди средних держав, процесс, который уже идёт, как видно из картины *действительного ДНЯО*, но который ускоряется *кризисом порядка*. Здесь узловым центром является Средний Восток: Иран оказался в шоковом состоянии в результате израильских и американских ударов по его объектам по обогащению урана; Саудовская Аравия и Пакистан заключили соглашение, предусматривающее формы совместного использования ядерных технологий; сама Саудовская Аравия через соглашения Авраама стремится получить от Вашингтона согласие на *статус пороговой ядерной державы*, близкий или равный статусу Японии; Турция и Египет обладают достаточным весом, чтобы преследовать те же амбиции. На латиноамериканской стратегической арене, охваченной напряжённостью, вызванной инициативой США в отношении Венесуэлы, Бразилия демонстрирует намерение сделать, по крайней мере, несколько шагов к созданию сдерживающего потенциала, запустив, как Южная Корея и, возможно, Япония, программу по созданию подводной лодки с ядерной силовой установкой.

Как видно, все четыре тенденции сходятся в том, что общее перевооружение, происходящее во всех державах *унитарного империализма*, приобретает специфический характер *ядерного перевооружения* и распространения ядерного оружия, – и это именно то, что *кризис порядка* привносит в *кризис ядерного порядка*.

В книге Франко Палумбери этот вопрос рассматривается с другой точки зрения. Это история *индустриализации науки*, которая в 40-е годы позволила реализовать Манхэттенский проект, вплоть до бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Это сеть учёных из Европы, которые в конечном итоге присоединились к американскому проекту, за которым стояла империалистическая сила, необходимая для его реализации, – проекту, который после войны позволил ускорить собственную гонку за *бомбой* во Франции и Великобритании. Это перспектива ядерной программы в СССР, где уже в августе 1949 года была испытана первая бомба на основе деления плутония, а в августе 1953 года – первая термоядерная бомба: силы производственного аппарата Москвы были задействованы до предела, вклад шпионской деятельности ускорил процесс, но по-прежнему недооценено, насколько физическая школа СССР была на уровне западных, с которыми, кстати, она была тесно связана. Если война завершила империалистическую трансформацию СССР, то достижение статуса ядерной державы стало её венцом.

То, что объединяет две перспективы – стратегическую и политическую роль атомных сдерживающих факторов в империалистическом соперничестве и индустриализацию науки, сделавшую возможным само существование этих факторов, – это демонстрация глубинного, неразрешимого противоречия капиталистического общества. Наука и производительные силы преобразовали мир, но в силу внутренней природы капитала и империализма разделили его в борьбе за власть, приведшей к катастрофе войны и атомного холокоста. Капитал разрушает то, что он создаёт.

Хиросима и Нагасаки стали кульминацией *разрушения порядка* во второй империалистической мировой войне. Говорят, что в *послевоенном порядке* ни одна ядерная держава никогда не намеревалась действительно применить *бомбу*; её использование было, по сути, угрозой и сдерживающим фактором. Однако *кризис порядка* движет тектоническими силами противостояния держав и накапливает разрушительные силы перевооружения. Кто может сказать, будет ли варварство обуздано рациональными расчётами сдерживания – в условиях нарастания напряжённости и распространения ядерных сил, в столкновениях между малыми, средними и великими державами, в *малых войнах кризиса порядка* или в *большой войне разрушения порядка*? Только революционная стратегия может предотвратить угрозу появления новых Хиросим и Нагасаки.

Ноябрь 2025 г.